ОБ ОДНОМ ФОНЕТИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ В *PSALTIREA ŞCHEIANĂ* [1])

Г. ИСТРАТЕ

Несмотря на то что изучение старорумынского языка очень рано привлекло к себе внимание специалистов, а библиография, которой мы располагаем, является не только богатой, но и весьма ценной, все еще в этой области имеется много нерешенных вопросов и точек зрения.

Здесь мы остановимся лишь на случаях вставочного *i*, встречаемых у переписчика **С** Шкеянской псалтыри (***maire, taire, minuine, căntaire, giudecaire, mestecaire, păduire, scăpaire*** и т. д.), по поводу которых специалисты выдвинули различные объяснения, вследствие чего мнения ученых расходятся по сей день. Уместно будет напомнить, что первые исследователи данного явления предполагали, что переписчик был не румыном по происхождению. Не приводя убедительных доводов, А. Прокопович ссылался еще в 1908 году на „венгерского священника" [2]). Восемь лет спустя, И. А. Кандря считал, что скорее всего мы имеем дело с „греческим книжником" или же с лицом, „обычным занятием которого было списывание греческих текстов" [3]).

Однако, ни Прокопович, ни Кандря не уделяли этому факту должного внимания, так как их интересовали другие вопросы, связанные со старорумынским языком. Поэтому возникла небходимость возобновления дискуссии по вопросу о происхождении вставочного *i* в указанных примерах. Так, через некоторое время два клужских профессора исследовали более подробно это явление и, на основании богатой аргументации, пытались его объяснить. Речь идет о К. Лаче [4]) и Н. Дрэгану [5]), ссылавшихся на одного переписчика, сакса по происхождению, точка зрения которых, на наш взгляд, заслуживает внимания, несмотря на то, что она была отвергнута академиком А. Росетти [6]),

---

1) Доклад, прочтанный на пятой научной сессии Ясского университета им. „А. И. Кузы", 1958 г.

2) *Despre nazalizare şi rotacism*, стр. 34.

3) *Psaltirea Şcheiană*, I стр. CXXIII.

4) *Copiştii Psaltirii Şcheiene* («Dacoromania», III, стр. 461—471).

5) *Manuscrisul liceului grăniceresc „G. Coşbuc" din Năsăud şi săsismele celor mai vechi manuscrise romîneşti* («Dacoromania» III стр. 472—508).

6) «Grai şi suflet», II, стр. 169 и след. Ср. *Istoria limbii romîne*, VI, стр. 144, а также *Mélanges de linguistique et de philologie*, стр. 558—585.

последним видным исследователем данного вопроса, считающим, что указанное явление свойственно вообще румынскому языку и тождественно со вставкой *i* в словах *cîine, mîine, pîine, oichi, ureiche, veiche, Costaiche* и т. д.

К. Лача не ограничивается одними предположениями, а пытается найти доказательства в пользу своей точки зрения. Он полагает, что данное явление может быть объяснено как фонетическая особенность языка переписчика-сакса (стр. 464—465) из области Бистрица (стр. 469) причем, как нам кажется, некоторые из доводов, приводимые автором, весьма убедительны. Если все сказанное им до стр. 466 не обладает доказательной силой в пользу теории Лачи, в чем сам автор убедился, то доводы, приводимые далее, по нашему мнению, подтверждают высказывания автора.

Опираясь на работу И. Вольфа, *Über die Natur der Vocale im Siebenbürgisch — sächsichen Dialect,* Лача отмечает целый ряд примеров в языке саксов, где мы также находим вставку *i*; отсюда делается вывод, что саксы могли повлиять на немцев, говоряших и по-румынски и передать им эту фонетическую особенность. Автор предпринял среди учащихся-саксов из области Бистрица анкету и показал, что многие из них произносили *minuine* вместо *minune*. Августин Бена, автор работы *Limba romînă la saşii din Ardeal* (Cluj, 1952) сообщает Лаче, что, разговаривая по-румынски, саксы произносят *faişe* вместо *face*, *traişe*, вместо *trage* и т. д. [7]). Нам кажется исключительно важным утверждение автора на стр. 469, где говорится о том, что случаи типа „*pîine, cîine* и т. д. не имеют ничего общего с теми искажениями, которые наблюдаются у саксов“. Это заявление не следует понимать превратно. По мнению Лачи, с физиологической точки зрения, процесс появления *i* в *cîine* и в *minuine* является одинаковым, одним и тем же. Различие состоит только в том, что *minuine* можно было себе представить только в устах иностранца, в нашем случае сакса, в то время как *cîine* характеризует часть говорящих, для которых родным языком является румынский. Выше мы указывали, что не все доводы, приводимые Лачей, подтверждают его точку зрения. Впрочем сам автор отдавал себе отчет в этом, подчеркивая особое значение ранее отмеченных примеров: „Несомненной особенностью языка переписчика **C** является исключительно частая вставка *i* после ударяемого гласного (иногда и после безударного гласного) в тех случаях, когда за ним следует *r* или *n* в сочетании с гласным переднего ряда: *maire, măiritu-te-* (*-ai*), *taire, minuine, minuinatu, căntaire, căraire a, cureairea, giudecaire, mestecaire, muiaire, păduire, scapaire, stairea*“ (Кандря, указ. соч., I, стр. XXXVII) «Dacoromania» III, 466).

„Переход *a* в *ai* и *u* в *ui* нельзя рассматривать как фонологический закон, свойственный румынскому языку, так как он (переход) является частым искажением, характерным только для саксов, говорящих по-румынски“ («Dacoromania», III, 470).

---

7) Мы сами записывали в речи саксов из *Cranimăt'a*, Бистрицкого района, фонетические явления типа *şaisă* (вместо рум. *şase !*), *Broit* (вместо нем. *Brot !*).

Как известно, точку зрения К. Лачи разделял также и Н. Дрэгану. Знаменательно то, что эти два клужских ученых пришли, совершенно независимо друг от друга, к такому выводу, основываясь на разных текстах и используя различные субъекты.

Подобно Лаче, Дрэгану ничуть не сомневается в сакском происхождении данного явления: „По причинам, о которых речь ниже, несомненно сакского происхождения дифтонгизация ***a*** в ***ai*** в словах ***maire, saile*** и ***taile...***" («**Dacoromania**», **III**, 475).

Н. Дрэгану использовал многочисленные данные, полученные от нэсэудского преподавателя Виргилия Шотропы (стр. 487), бывшего директора журнала «**Arhiva Someşană**» (1924—1940 гг.), который предоставил ему большое количество документов архива Бистрицы. В этих материалах Дрэгану обнаружил примеры типа ***mairele, taire, cairele*** и т. д. На вопрос о том, известны ли Шотропе и другие документы, содержащие аналогичные примеры, он ответил Дрэгану, что „дифтонгизация ***ai*** встречается почти во всех румынских актах, составленных саксами" и добавил: „Ведь саксы так говорят". На основании показаний Шотропы, Дрэгану отметил в других документах такие примеры, как ***maire, Sellaire*** (= **Şelariu**), ***Văraire, Istrajte, Vailan*** (**vălian**), ***Karbuine*** (= **cărbune**), ***superaire, dreptaite, plecajre, aşezaire, fraitye, Rotair, Versaire*** (= **Vărzariu**), ***Kosokair*** (= **Cojocariu**).

„Имея в виду вышеуказанное, считаем, что все случаи дифтонгизации, наблюдаемые у переписчика с Шкеянской Псалтыри, приведенные господином И. А. Кандря в первом томе, на стр. **XXXVIII** своей работы, посвященной этой псалтыри, а также господином О. Денсушану в труде ***Histoire de la langue roumaine***, том 2, выпуск 1, стр. 52—53, 54, 56, 72 и 73, которые в основном сводятся к типам ***căraire*** и ***caraire, cîntaire, giudecaire, maire, măiri, mestecaire, scapaire, staire, taire, muiaire, cureaire, minuine, minuina, păduire, genuikele, ceireare***, куда можно привлечь еще слово ***meine***, следует приписать тому факту, что он (переписчик) был саксом по происхождению", Н. Дрэгану, «**Dacoromania**», **III**, 497).

Точно так же, как и Лача, поступает совершенно правильно Дрэгану, исключая случаи вроде ***mîine, cîine*** и т. д., которые явно не сакского происхождения: „Только произношение ***îi*** в словах типа ***cîine, mîine, mîini*** (множ. число от ***mînă***!), ***pîine*** и ***păinichiu*** (***Cuvente den betrani***, **I**, 296) нельзя объяснить, ссылаясь на саксов" («**Dacoromania**», **III**, 508).

Однако мы не можем согласиться с ним, когда он утверждает, что в случаях типа ***oichi, păreichi, ureichi, veichi, roike, păduike, Costaiche, Petraiche, straichină*** и т. д. отражается сакское влияние. Указанные на стр. 404—405 пять аргументов, неубедительны. Относящиеся сюда примеры однородны с ***mîine, cîine, pîine***, рядом с которыми они встречаются поныне на одном и том же ареале. Только ***păduire, minuine*** и т. д., выступающие в Шкеянской Псалтыри и которые в настоящее время неизвестны ни одному говору, следует объяснять сакским влиянием.

Отмеченное сакское влияние в Шкеянской Псалтыри, а также и

в других старых памятниках, было принято и С. Пушкарю (см. «**Dacoromania**», **III**, стр. 451, сноска).

В отличие от упомянутых ученых, А. Росетти [8]) полагает, что перед нами обычное для румынского языка явление и опирается между прочим на наличие в Олтении формы *straikină*, вместо *strachină* (стр. 559—560). К тому же в валашском говоре он отмечает *Iordaiche*, который, по его мнению, восходит к более древнему *Iordachie* (стр. 561). Однако ни *Iordaiche* ни *straikină* не стоят, по нашему мнению, на одной плоскости с *saile, taile, maire* и т. д. по той простой причине, что *Iordaiche, straichină* характерны для языка румын из определенной области, то-есть являются основной особенностью валашского говора, наряду с *mîine, cîine, pîine* и т. д., в то время как *saile, taile* не свойственны ни одному говору румынского языка; их мы никогда не услышим в произношении румын. Появчение вставочного *i* в некоторых словах действительно составляет характерную особенность нашего языка, и Росетти имеет полное основание приводить также примеры из других румынских диалектов, а именно из мегленорумынского и арумынского. Но он не должен был включать сюда примеры из Шкеянской Псалтыри, так как их наличие в старых текстах не является нормой; они не подкрепляются никакими данными современных румынских говоров. С физиологической точки зрения мы имеем дело с одним и тем же явлением. Подобно тому как *Iordachie* дало *Iordaiche*, точно так же *salie* легло в основу *saile*. Случаи первой категории нужно расценивать как проявление одной из тенденций румынского языка, получившее впоследствии всеобщее распространение на территории, где мы их находим и в настоящее время. Напротив, случаи второй категории представляют собою неудачное новообразование, возникшее в „неестественной" обстановке, в речи иностранцев, чем и объясняется тот факт, что оно не могло привиться.

Приводимый Росетти довод (стр. 562—563), согласно которому и другие иностранцы, кроме греков и саксов, отражали на письме *maire* вместо, *mare* противоречит теории бухарестского языковеда и говорит скорее за „нерумынский" характер данного явления. Больше того, примеры вроде *maire, saile, taire* не могут быть отнесены хотя бы к полуобразованным людям (стр. 566), как это наблюдается в *mîine-ta*, услышанном мною случайно в Нэсэуде из уст говорящих, которые обычно „литераризируют". Этот пример напоминает нам такие примеры как *demăineață, rămîine* или *tătîine-său*, вносимые Варлаамом в свое знаменитое *Cazanie* по аналогии с *mîine, pîine*. Впрочем, вопреки авторитету, которым пользовалась книга молдавского митрополита, указанные новообразования также не укоренились в румынском языке (как в литературном, так и в говорах).

Подобно тому, как Дрэгану и Лача, пытаясь доказать свою точку зрения, усмотрели сакское влияние во многих фактах, на самом деле не имеющих никакой связи с этим воздействием, точно так же Росетти

8) См. *Mélanges de linguistique et de philologie*, стр. 559. Все последующие ссылки, указанные в скобках, относятся к этой работе.

считает, что можно целиком отвергнуть доводы, приводимые клужскими лингвистами. Устраняя из этого спора некоторые явления, легко объяснимые на почве нашего языка, следует все же отнести к сакскому влиянию, как это предлагал еще Дрэгану, а также Лача, вставку *i* в ***maire, saile, taire.*** К аргументам, приведенным этими двумя языковедами, а так же к доводам, упомянутым до сих пор, привлекаем еще один. В архиве Бистрицы, сохраненном попечением саксов, имеется ряд румынских документов, которые по своему начертанию очень похожи на тексты, написанные готическим шрифтом. Сходство зто является самым верным показателем того, что автор текста был саксом, причем он не знал, что латинское *s* графически изображается иначе, чем готическое. Как раз в текстах такого рода мы встречаем ***maire, saile, taire,*** которые, как уже было сказано, нельзя извлечь из внутренних возможностей румынского языка.

Наконец, отметим одну деталь, которую не следует игнорировать, а именно, что фонетические явления, составляющие предмет настоящей статьи (***maire, taire, minuine, păduire*** и т. д.) возникают на территории, где широко распространена палатализация, как это явствует из многих карт *Румынского лингвистического атласа* (**ALRM**). Вот несколько примеров, взятых наугад из **ALRM I, I**: ***vińe*** (множ. число от ***vînă,*** к. 7), ***mint'e*** (13), ***frunt'e*** (18), ***lacrămń*** (30), ***d'int'e*** (42, 43), ***ińimă*** (63), ***ińimń*** (64), ***d'eget'e*** (75, 76), ***d'ăs*** (99), ***șt'irb*** (101), ***mńiros*** (115), d'ĕ (155, 170). Во втором томе **ALRM, I** мы отметили также: ***părint'e*** (209). ***frat'e*** (219), ***ńepot*** (239), ***ńepoată*** (244), ***t'ińeri*** (256, 257), ***oamiń*** (271, 272), ***fet'e*** (275), ***ŝiń*** (303), ***cununie*** (348), ***mńire*** (357), ***mńireasă*** (360); ***mń-a povestit*** (383).

Наличие палатализованных согласных на территории, где были переведены ротацизированные тексты и, следовательно, Шкеянская Псалтырь, непосредственно интересующая нас, подтверждается и данными **ALRM, II, I,** откуда мы выписали ***d'eget*** (101), ***ińimă*** (119), ***carie*** (147), ***hodińesc*** (154), ***mort'e*** (213).

Не трудно заметить, что все примеры из Шкеянской Псалтыри содержат *r* или *n* смягченные. Палатализация содействовала возникновению вставочного *i.* Однако, в связи с тем, что это явление спорадическое у тех, для которых румынский язык не был родным языком, оно, вполне понятно, не могло сохраниться в памятниках, составленных после **XVII** в.

Исходя из этих соображений, мы считаем, что Росетти совершенно правильно предполагал (стр. 573), что гипотеза Дрэгану не выдерживает критики, если мы привлечем все без исключения языковые явления, подвергнутые анализу бывшим профессором древней румынской литературы Клужского Университета; но мы не можем с ним согласиться, что случаи типа ***maire, taire*** и т. д. якобы являются характерными для румын, начиная с **XVII** в. и по сей день. Вне всякого сомнения, что в этом случае утверждение Дрэгану-Лачи является наиболее приемлемым. Эти два клужских лингвиста правильно определили сакское происхождение данного явления.

UN PHONÉTISME PROPRE À LA *PSALTIREA ŞCHEIANĂ*

Résumé

Après des recherches d'archives et à la suite d'une confrontation des anciens textes roumains avec les parlers territoriaux, l'auteur arrive à la conclusion que les phonétismes du type *maire, taire, păduire, minuine* etc., rencontrés chez le copiste C. de la *Psaltirea Şcheiană*, ne sauraient être expliqués par les moyens internes de notre langue. Il prouve qu'il faut établir une distinction nette entre les phonétismes mentionnés et *cîine, pîine, mîine, oichi, ureiche, Castaiche etc.* Si ces derniers caractérisent certains parlers roumains, jusqu'à l'époque actuelle, les autres sont dûs à des étrangers qui ne connaissent pas suffisamment notre langue.

Les arguments sur lesquels s'appuie l'auteur sont de nature à donner gain de cause aux linguistes de Cluj, N. Drăganu et et C. Lacea qui, les premiers, ont avancé l'idée de l'origine saxonne du phénomène.

UN FONETISM PROPRIU *PSALTIRII ŞCHEIENE*

Rezumat

Pe baza unor cercetări de arhivă şi a confruntării textelor romîneşti vechi cu graiurile teritoriale, autorul ajunge la concluzia că fonetismele de tipul *maire, taire, păduire, minuine* etc., întîlnite la copistul C. al *Psaltirii Şcheiene,* nu pot fi explicate prin mijloacele interne ale limbii noastre. El demonstrează că între fonetismele pomenite şi între *cîine, pîine mîine, oichi, ureiche, Costaiche* etc., trebuie făcută distincţie netă. Dacă ultimele caracterizează anumite graiuri romîneşti, pînă în momentul de faţă, celelalte se datoresc unor străini care nu cunoşteau, în măsură suficientă, limba noastră.

Argumentele pe care se sprijină autorul sînt în măsură să dea cîştig de cauză lingviştilor clujeni N. Drăganu şi C. Lacea care s-au gîndit, cei dintîi, la originea săsească a fenomenului.
